

УДК 343.1

Прокопьева, Ксения Евгеньевна

Prokopyeva Kseniya Evgenievna,

аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, помощник судьи Верховного Суда Удмуртской Республики
E-mail: xprok@yandex.ru

postgraduate student of the Chair of Criminal Processing and Law Enforcement operation, Udmurt State University; Asst. Judge at the Udmurt Republic' Supreme Court
E-mail: xprok@yandex.ru

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

HISTORY OF ORIGINATION AND ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTION OF INTER-BRANCH PREJUDICE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

В статье рассматривается историческое развитие правового института межотраслевой преюдиции в уголовном процессе России. Проведен анализ законодательства, регламентирующего положения о преюдициальном значении решений, принятых в рамках гражданского судопроизводства, при рассмотрении уголовных дел в дореволюционный и постреволюционный периоды.

The paper considers history of establishment of a legal institution of inter-branch prejudice in Russian criminal procedure. The study carries out analysis of legal acts regulating prejudicial significance of decisions in civil proceedings, in criminal case' trial both in pre-revolutionary and post-revolutionary periods.

Ключевые слова: межотраслевая преюдиция, уголовное судопроизводство, Устав уголовного судопроизводства, УПК РСФСР, УПК РФ

Key words: inter-branch prejudice, criminal court' proceedings, Charter of Criminal Judicial Proceeding, Criminal Processing Code of the RSFSR, Criminal Processing Code of the RF

Для того чтобы лучше понять современные правовые институты, необходим анализ их исторического развития. Исследование современных проблем применения межотраслевой преюдиции при производстве по уголовным делам невозможно без обращения к вопросам истории.

Следует согласиться с Стефановским К.Г., который считал, что всякое правовое положение, действующее в данном государстве, хотя бы и не вытекало непосредственно из самого народа, а из государственной власти, непременно коренится в прошлой истории этого народа; точно так и правосудие, в том виде, в каком оно признается в данное время и при данных обстоятельствах, есть результат истории [1, с. 253].

В полной мере данные положения можно отнести и к такому правовому институту, как межотраслевая преюдиция, становление которого происходило еще в дореволюционный исторический период развития России.

Появление правовых норм, предусматривающих основные положения межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, непосредственно связано с моментом окончательного разграничения гражданского и уголовного судопроизводства.

В данной статье при рассмотрении вопросов значения решений по гражданским делам для разрешения уголовных дел представляется возможным учесть точку зрения Стефановского К.Г. и исходить из того, что «окончательное разграничение гражданского и уголовного судопроизводства следует приурочить только к эпохе Уставов 20-го ноября 1864 года» [1, с. 81].

Именно в ходе проведенной в 1864 году императором Александром II Судебной реформы, в результате окончательного разграничения гражданского и уголовного процесса впервые появились и были закреплены в Уставе уголовного судопроизводства правовые нормы, предусматривающие основные положения межотраслевой преюдиции.

Возможность появления противоречий между «началом свободного, внутреннего, судебного убеждения, руководящего деятельностью уголовного суда по оценке уголовных доказательств», и «началом непоколебимости вошедших в окончательную силу решений гражданского суда» [2, с. 145] обусловила необходимость разрешения вопроса об отношении уголовного суда к решениям гражданского и дальнейшего законодательного закрепления силы решения, состоявшегося в одном из этих судов, для другого.

Статья 29 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), размещенная в разделе «Общие положения», установила, что окончательное решение гражданским судом подлежащих

рассмотрению его вопросов обязательно для уголовного суда только в отношении действительности и свойства события или деяния, а не в отношении виновности подсудимого¹³.

В большинстве дореволюционных исследований цель введения указанной нормы права о межотраслевой преюдиции определялась как разграничение компетенции гражданского и уголовного суда в оценке событий, являющихся основанием, с одной стороны, для спора о гражданском праве, с другой – для обвинения в преступном деянии, и исключение противоречий между судебными актами, вынесенными в различных процессах, где исследовались одни и те же обстоятельства [3, с.24].

Исходя из смысла ст. 29 УСС, для того, чтобы решение гражданского суда в том или ином объеме было обязательно для суда уголовного, оно должно было соответствовать определенным условиям.

Общепринятым являлось разделение условий обязательности гражданского решения на формальные – решение должно быть «окончательным» и материальные – оно должно иметь своим предметом «подлежащие рассмотрению» гражданского суда вопросы [4, с. 137].

«Окончательным» в смысле статьи 29 было не всякое решение гражданского суда, обращенное к исполнению, а лишь решение, не обжалованное в кассационном порядке или признанное неправильно обжалованным.

Суть материальных условий обязательности гражданского решения заключалась в том, что по содержанию для уголовного суда обязательно лишь то решение, которое имеет своим предметом вопросы, подведомственные гражданскому суду. Поэтому для уголовного суда не могли быть обязательными выводы гражданского суда по вопросу о наличии или отсутствии в установленном гражданским судом событии признаков преступления.

В юридической литературе выделялось и другое материальное условие обязательности гражданских решений – наличие тождества предмета, лиц и оснований рассмотренного гражданского и подлежащего рассмотрению уголовного дела [2, с. 137].

В тексте статьи 29 была сделана попытка установить пределы обязательности гражданского решения. Закон гласил, что решение обязательно «только в отношении действительности и свойства события или деяния, а не в отношении виновности подсудимого».

Несмотря на последовавшую Октябрьскую революцию 1917 года, действие Устава гражданского судопроизводства не было прекращено. Декреты СНК РСФСР №1, 2, 3 «О суде», посвященные вопросам судостроительства и судопроизводства, с определенными ограничениями подтвердили законную силу Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

Поскольку нормы Устава в части статьи 29 не были отменены и не были признаны противоречащими правосознанию трудящихся классов [5, с. 3], представляется, что межотраслевая преюдиция продолжала действовать в уголовном процессе в том виде, в котором она была закреплена в дореволюционном законодательстве.

Уголовно-процессуальные кодексы советского периода также восприняли положения Устава уголовного судопроизводства 1864 года и содержали нормы о межотраслевой преюдиции.

Основы рассматриваемого правового института были сформулированы в ст. 12 УПК РСФСР 1922 г., воспроизведенной впоследствии в ст. 12 УПК РСФСР 1923 г., и имевшей следующее содержание: «Вступившие в законную силу решения гражданского суда обязательны для уголовного суда только в отношении вопроса, имело ли место событие или деяние, но не в отношении виновности подсудимого».

Полянский Н.Н. характеризовал приведенную норму следующим образом: «Закон неполон в той части (положительной), в которой он определяет, в отношении каких вопросов решение гражданского суда обязательно для уголовного. Так, закон не определяет, обязательно ли решение гражданского суда для уголовного в отношении вопросов гражданского права, когда от того или другого решения их зависит признание деяния преступным или не преступным... Закон неполон и в той своей части (отрицательной), в которой определяется, в отношении каких вопросов решения гражданского суда для уголовного не обязательны» [6, с. 26].

Ссылаясь на несовершенство правил о преюдициальном значении решений по гражданским делам в уголовном процессе, закрепленных Кодексами РСФСР 1922, 1923 гг., Березин А.С. также выделяет и недостатки внешнего характера рассматриваемой статьи, а именно использование в статье термина «деяние», относящегося к области уголовного (а также административного) права, что давало некоторые основания для утверждений о праве судов, рассмат-

¹³ В 1887 году статья была дополнена положением следующего содержания: «Решение же по иску, рассмотренному судом гражданским по случаю приостановления уголовного производства (ст.7), ни в каком отношении не стесняет уголовный суд при постановлении приговора».

ривающих гражданские дела, на предрешение вопросов уголовного права, а также на использование таких формулировок, как «гражданский суд» и «уголовный суд», хотя в тот период, как и в настоящее время, подобного разделения по специализации в судебной системе не существовало. По мнению Березина А.С., в рассматриваемой редакции статьи не был решен вопрос о применении преюдиций на досудебных стадиях для таких субъектов как прокурор, следователь и дознаватель. Другой недостаток статьи состоял в том, что в ней говорилось только о «подсудимом». Это вызывало необходимость в расширительном толковании ст. 12, поскольку, в случае применения буквального толкования, получалось, что преюдициальное значение вступившего в законную силу решения суда по гражданскому делу распространяется только на стадию судебного разбирательства по уголовному делу, исключая досудебное производство [7, с. 35].

Итак, отметим, что преюдициальное значение судебного акта по гражданскому делу для разрешения уголовного дела по Кодексам РСФСР 1922, 1923 гг. также признавалось и имело определенные границы, но нечеткость в изложении содержания таких пределов, которая была характерна и для дореволюционного законодательства, сохранилась. Кроме того, редакция статьи, в большей части дублировавшая соответствующие положения Устава уголовного судопроизводства, не была адаптирована к существующему порядку уголовного судопроизводства, использованная в ней терминология не соответствовала понятийному аппарату процессуального права РСФСР.

Часть недостатков статьи 12 УПК РСФСР 1922, 1923 гг. были устранены в УПК РСФСР 1960 г. В Кодекс была включена посвященная межотраслевой преюдиции статья 28 "Значение решений и определений суда по гражданским делам для разрешения уголовных дел", согласно которой вступившее в законную силу решение, определение или постановление суда по гражданскому делу обязательно для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, при производстве по уголовному делу, но только по вопросу о том, имело ли место определенное событие или действие, а не в отношении виновности обвиняемого.

Как следует из содержания нормы, преюдициальное значение решения по гражданскому делу традиционно являлось ограниченным. Вступившее в законную силу решение, определение или постановление суда по гражданскому делу имело силу преюдиции при производстве по уголовному делу на всех стадиях уголовного процесса в части, касающейся вопроса, имело ли место событие преступления или действие. Наличие вступившего в законную силу судебного акта по гражданскому делу не освобождало суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, от процесса доказывания в части установления виновности обвиняемого в совершении инкриминируемого преступления.

В советском процессуальном праве использование в доказывании межотраслевой преюдиции объяснялось нецелесообразностью вторичного исследования вопроса, который уже рассматривался и решен компетентным органом. Преюдициальность определялась как свойство решения, согласно которому установленные в нем обстоятельства могут быть положены в основу последующего решения без вторичной проверки.

Наделение преюдициальной силой судебного решения было основано на презумпции истинности судебного решения, вступившего в законную силу. Законная сила судебного решения обеспечивала действие преюдиций [8, с. 192].

Особое внимание уделялось проблеме вступления в конфликт двух важнейших процессуальных принципов: общеобязательности силы судебных постановлений, принятых в рамках гражданского судопроизводства, и внутреннего судейского убеждения при оценке доказательств по уголовному делу.

Однако, как поступать при коллизии между преюдициальными фактами и внутренним убеждением судей, процессуальное законодательство не указывало. Не выработали по данному вопросу единого мнения и высшие судебные инстанции. Пути разрешения предлагались в процессуальной научной литературе. Одни авторы считали, что до отмены судебного решения, имеющего преюдициальное значение, суд, рассматривающий дело, связанное с ранее разрешенным, не вправе выносить приговор по внутреннему убеждению [9, с. 80].

Однако в качестве общепринятой утвердилась иная точка зрения, в пользу внутреннего убеждения судей, которые в формировании своих выводов не связаны никакими ранее состоявшимися судебными актами [10, с. 214].

Представляется, что такая позиция влекла появление противоречащих друг другу судебных постановлений, вынесенных в отношении одних и тех же фактов. Петрухин И.Л. предлагал преодолеть это противоречие включением в закон указания на то, что приговор, которым от-

вергнута преюдиция, не вступает в законную силу до тех пор, пока вышестоящий суд не проверит оба приговора и не решит вопрос, какой из них правилен [11, с. 360].

Встречается и другое предложение: придя к убеждению, что преюдициальные факты установлены неправильно, суд приостанавливает производство по делу и выходит с представлением об опротестовании ранее вынесенного решения в порядке надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам [12, с. 59].

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2002 года институт межотраслевой преюдиции претерпел кардинальные изменения. Закрепляя внутриотраслевую опровержимую преюдицию, статья 90 УПК РФ не допускала применение в уголовном процессе межотраслевой. Статья 90 УПК РФ указывала на преюдициальное значение лишь таких не вызывающих сомнения фактических обстоятельств, которые ранее были предметом доказывания по уголовному делу и подтверждены вступившим в законную силу приговором, в связи с чем они признавались установленными и не нуждающимися в дополнительной проверке¹⁴.

Начало современного этапа развития института межотраслевой преюдиции связано с внесением Федеральным законом от 29 декабря 2009 года № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» существенных изменений в рассматриваемую статью УПК РФ.

Ее новая редакция установила неопровержимую преюдицию в отношении обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. Эти обстоятельства признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Таким образом, новая диспозиция ст. 90 УПК РФ установила безусловную межотраслевую преюдицию в отношении обстоятельств, установленных вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского арбитражного или административного судопроизводства.

Вместе с тем, несмотря на то, что внесенные в ст. 90 УПК РФ изменения, а также Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 года №30-П "По делу о проверке конституционности положений ст. 90 УПК РФ в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко" определили единый подход в применении судами и иными органами положений о преюдиции в уголовном судопроизводстве, исключили имевшие место противоречия и конкуренцию между полномочиями и решениями судов различных отраслей, в правоприменительной практике остался неразрешенным ряд проблем, связанных с механизмом реализации межотраслевой преюдиции, порядком опровержения (преодоления) преюдициальной силы судебных актов и др., которые требуют самостоятельного изучения и являются предметом отдельного исследования.

Подводя итог, отметим, что институт межотраслевой преюдиции в уголовном процессе России имеет длительную историю своего становления, начало которому положил Устав уголовного судопроизводства 1864 года.

Историко-правовой анализ регулирования данного института в отечественном законодательстве свидетельствует, что его развитие не всегда обеспечивалось исторической преемственностью, поскольку последующие уголовно-процессуальные нормы порой не являлись результатом закономерного развития предыдущих. Но на определенных этапах развития Российского государства правовое регулирование этого института отличалось постепенным расширением его детальной нормативной регламентации, а также возрастающим интересом к нему со стороны процессуальной науки.

¹⁴ В проекте УПК РФ, принятом Государственной Думой ФС РФ в первом чтении 6 июня 1997 г., статья 90 "Преюдиция" имела вторую часть, которая гласила: "Вступившее в законную силу решение суда по гражданскому делу обязательно для суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя при производстве по уголовному делу только по вопросу о том, имело ли место само событие или действие, и не должно предрешать выводы о виновности или невиновности подсудимого". При последующей работе над текстом закона (в третьем чтении) это положение из УПК РФ было удалено.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Стефановский К.Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права.// Журнал министерства народного просвещения. Февраль 1873, ч. CLXV.
2. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. – СПб., 1892.
3. Буцковский Н.А. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым). – СПб., 1872.
4. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Выпуск 1 (ст. ст. 1-84)/под ред. проф. Гернета М.Н. – М., 1914.
5. Материалы Народного комиссариата юстиции. Устав гражданского судопроизводства. Ч. 1 / Сост. А.Г. Гойхбарг. – М., 1918.
6. Люблинский П.И., Полянский Н.Н. Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР. Комментарий. – М., 1924.
7. Березин А.С. Преюдиции в отечественном уголовном судопроизводстве. Дисс...канд.юрид.наук. 2006.
8. Юсубова У.М. Преюдиции в советском уголовном процессе. Дисс...канд.юрид.наук. 1979.
9. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. – Казань, 1975.
10. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. – М., 1947.
11. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». – М., 1973.
12. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. – М., 1977